

КЕЙ СИНКЛЕР

ДОМ ФРЭНКА

ПРОШУ ТЕБЯ, КОГДА Я УМРУ,
НЕ УМИРАЙ ВМЕСТЕ СО МНОЙ!

УЮТНОЕ ФЭНТЕЗИ

Кей Синклер

Дом Фрэнка

Серия «Новая готика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74251016

Дом Фрэнка: Москва; 2026

ISBN 978-5-389-33515-8

Аннотация

У ведьмы Сэйки есть страшная тайна – она лишилась магической силы из-за трагических событий, которые стоили жизни ее сестре. Скрепя сердце бывшая ведьма решает исполнить последнюю волю Фионы и захоронить ее прах в волшебных Ясеновых садах. Владелец поместья Фрэнк приглашает девушку задержаться и поработать в саду вместе с другими обитателями его дома – необыкновенно странными, хоть и довольно милыми персонажами. Со временем Сэйка узнает все больше и о самом Фрэнке, и о его ветшающем жилище, и о бушующих над ним штормах... А мрачные загадки прошлого сгущаются над ними, грозя погубить и Сэйку, и тех, кто стал ей дорог.

В своем дебютном романе Кей Синклер мастерски сплетает воедино темы утраты, исцеления и преображающей силы семьи, которую мы обретаем в течение жизни. Пронзительная и светлая история о молодой ведьме, которая, потеряв все, вновь научилась радоваться и любить.

Содержание

Два года назад	7
Глава первая	9
Глава вторая	25
Глава третья	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Кей Синклер

Дом Фрэнка

Посвящается Джой, женицине, подарившей мне жизнь и неизбывную любовь к рассказыванию историй.

И моей сестре Донне.

И всем тем историям, что нам еще предстоит поведать этому миру вместе

Улыбнись, мой мальчик. Смотри, солнце всходит.

Робин Уильямс в роли Тедди Рузвельта в к/ф «Ночь в музее»

Kay Synclaire

HOUSE OF FRANK

Copyright © Kay Synclaire, 2024

Издательство выражает благодарность *Taryn Fagerness Agency* и литературному агентству *Synopsis Literary Agency* за содействие в приобретении прав

© Е. О. Згурская, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-КА», 2026

Издательство Иностранка®

Два года назад

– Спой мне, – просишь ты. – Пожалуйста.

Слова вылезают из моего горла кое-как – будто сквозь соломинку для коктейлей пытается вытечь океан. Ты закрываешь глаза и мурлычешь тот же мотив. И когда на последней ноте я хрипну, по твоей щеке, искривленной улыбкой, сползает слезинка.

Повисает тишина, и ты нарушаешь ее первой – усмехаешься, не открывая глаз.

– Ох, это было так мило, Сэйка. Хоть ты и ненавидишь папашу, а все равно поешь одну из его любимых песенок.

Я стягиваю с руки шелковую перчатку и ласково обнимаю тебя.

– Вот это я счастливица, – ты поднимаешь руку, демонстрируя наши сплетенные пальцы. – Младшая сестренка обнимает меня голыми руками. Выдающийся день, надо запомнить.

– Фи, пожалуйста, – я отвожу взгляд, стараясь расслабить предательски сжавшееся горло. Грудь сдавливают рыдания,

и приходится напрягать все силы, чтобы не дать им волю. Ты должна видеть, что я держусь молодцом.

– Помнишь, что ты пообещала мне, Сэй? – ты сжимаешь мои пальцы – слабо, но я все равно понимаю, как важен для тебя этот вопрос.

– Конечно.

– И звезду ты все еще хранишь у себя? – твои блеклые глаза задерживаются на золотом кулоне, болтающемся у меня на шее. Я поднимаю его повыше – крохотную подвеску на тонкой цепочке.

– Я никогда ее не снимаю. И ни за что не сниму.

– И ты знаешь, где находится нужное место, да? Ты не забыла, где...

– Фиона, я не ребенок. Конечно, я все помню. Пепельные, то есть Ясеновые, сады лежат сразу же за городской чертой.

– Ищи ярко-красную дверь.

Я убираю с твоего взопревшего лба кудри.

– Я доставлю тебя туда. Обещаю.

Грудь болезненно ноет. И неожиданно хватает всего одного взгляда тебе в глаза, чтобы вся моя выдержка испарилась. И я рыдаю возле твоей кровати, крепко вцепившись в твою руку.

Пока я жива, Фи, я никуда тебя не отпущу.

Глава первая

28 апреля

Краски на высокой массивной двери почти не осталось. Да и та, что есть, скорее бурая, чем ярко-красная. Я-то ожидала увидеть нечто по-настоящему фантастическое – зámок или что-нибудь эдакое. С ухоженными лужайками. Персонал, любезно встречающий меня возле двери...

В общем, сказать по правде, знаменитые Ясеновые сады оказались далеко не такими элегантными, как я привыкла считать.

По старым облезлым доскам стучит дождь. Я замечаю на верхнем этаже следы давнего пожара. Видно, где над пострадавшим зданием потрудились ведьма-архитектор. И прямо-таки слышу голос нашего отца – дескать, могла бы сделать и лучше, замаскировать швы как следует...

Самовлюбленный старикашка.

Плющ обнимает дом с обеих сторон, пышно растут цветы. Вдоль фасада тянется просторная веранда, украшенная качелями и до смешного высоким креслом-качалкой. Крыльцо

полно растений в горшках – на ступенях, на перилах, – наконец-то дождавшихся благословленного дождя. Возле двери валяются небрежно сброшенные рабочие сапоги, покрытые грязью.

В объявлении, выданном мне, говорилось, что Ясеновые поминальные сады находятся совсем рядом с конечной станцией железной дороги, идущей из города.

Я глубоко вдыхаю и медленно выдыхаю. Ладно, пешком пройтись тоже полезно. Характер закаляет. После часовой поездки на поезде и пешего похода под ливнем, занявшего целое утро, ноги ноют, а носки промокли насквозь. Каблуки моих тяжелых ботинок утопают в мокрой мягкой траве. Одной рукой я сжимаю зонт, второй – ручку чемодана.

Глубокий вдох... выдох...

– Как думаешь, она окаменела? – раздается сверху чей-то голос. Я поднимаю взгляд на окна второго этажа. На подоконнике сидит херувим, чавкая ломтиком арбуза. Второй, с каштановыми волосами, лакомится виноградом, пристроившись на соседнем окне.

– Она, наверное, слабоумная, – заявляет херувим. – Слышь, шаг сделай. И дыши. И еще шаг сделай. И дыши. И моргни.

– Давай-давай, все нормально, – его темноволосый товарищ отправляет в рот еще одну ягодку. – Ходить и дышать все умеют.

– Вовсе я не слабоумная, – откликаюсь я, шурясь от по-

падающих в глаза капель.

Херувим с арбузом пожимает плечами.

– А по тебе и не скажешь. Ты уже битый час под этим дождем стоишь.

– И вовсе не битый час, – хотя, конечно, мне и самой кажется, что я стою здесь куда дольше, чем час. Я рассматриваю обоих – на их голых грудях топорщатся жесткие кучерявые волоски. – А одежда ваша где?

– Лапушка, мы херувимы, – тот, что с арбузом, показательно откусывает внушительный кусок. – Нам на роду написано быть голыми и свободными.

– Похоже, от станции ты добиралась на своих двоих, – замечает темноволосый, разглядывая меня. – Где твоя метла?

Я невольно хмурюсь, но все же нахожу силы изобразить улыбку:

– Увы, я из тех ведьм, что прикованы к земле. У меня нет метлы.

Херувим с арбузом заходится хохотом:

– Мер, ты когда-нибудь слышал, чтобы у ведьмы не было метлы? Странная штука, а?

Я недовольно кривлюсь.

– Вам наверняка известно, что метлы нынче невероятно дороги. А летать на метле – это и вовсе напрасная трата энергии и магии.

– Ох, ну да, конечно. – Он откусывает еще кусочек арбуза.

– Как бы там ни было, – вмешивается второй, – прогулоч-

ка вышла долгая. Ты, наверное, проголодалась. Лови! – он отрывает одну виноградину и кидает в мою сторону. И, конечно же, совершенно промазывает, так что мы втроем смотрим, как ягода падает на мокрую землю и катится в грязную лужу.

– Так, ладно, – я поднимаюсь по ступеням, вытираю ноги о коврик и нажимаю на кнопку звонка. Та, как выясняется, не работает. Приходится стучать.

Я дожидаюсь, пока кто-нибудь откроет, касаясь краешка платка, завязанного узлом на затылке, проверяя, не соскользнул ли за время моего утомительного путешествия.

Земля под ногами слегка дрожит. За мутным стеклом двери возникает огромный темный силуэт. Разглядев контуры рогов и массивных широких плеч, я невольно задерживаю дыхание.

Дверь открывается – и перед моим лицом возникает широко улыбающаяся пасть, полная острых зубов. На пороге стоит чудовище. Вроде Минотавра, как кажется мне на первый взгляд, но целиком покрытого мехом, а вместо копыт – лапы. Никогда раньше не видела подобных существ.

– Здравствуйте. Чем могу помочь? – спрашивает оно. Голос у него такой гулкий и низкий, что резонирует у меня в костях. На чудовище – бежевый вязаный кардиган, из воротника и рукавов торчат пучки рыжевато-бурой шерсти. На шее у него болтаются на цепочке очки для чтения, а глаза – маленькие и желтые. Но в целом оно выглядит таким стильным,

что мне даже становится немного неловко за свой внешний вид.

– Добрый день. Меня зовут Сэйка, – я протягиваю руку в перчатке, и чудовище едва не сминает ее в кашу рукопожатием. – Это Ясеновые сады? – уточняю я, поморщившись. – Я слышала о ландшафтном заповеднике, и...

– Ох да, конечно, – чудовище сторонится, пропуская меня внутрь. – Заходите, мисс Сэйка.

Я оглядываюсь через плечо. Непогода усиливается буквально на глазах. Дождь льет все сильнее. Темные грузовые тучи ползут по серому небу, накрывают горы вдалеке. Сейчас я уже не доберусь до железнодорожной станции, даже если очень захочу. Так что я разворачиваюсь и прохожу в дверь.

Снаружи дом выглядит невзрачно и странно, а холл производит куда более внушительное впечатление. Я поднимаю глаза на расписной потолок, весь в бирюзовых облаках и белых звездах, разглядываю огромную сверкающую люстру, освещающую весь холл. От двери до винтовой лестницы тянется тканый бордовый ковер – честно говоря, такой же выцветший и облезлый, как входная дверь.

– Позвольте забрать это у вас, моя дорогая, – чудовище протягивает лапу. Увлеченная разглядыванием холла, я не сразу понимаю, что оно имеет в виду мой зонтик. Извинившись, я закрываю и отдаю его.

– Меня зовут Фрэнк, – чудовище вежливо убирает огром-

ные руки за спину. — Добро пожаловать в мой дом.

— О, так это ваш дом? А я думала, это ландшафтный заповедник, — я вытаскиваю бумажку из кармана пальто. — Эта листовка попала мне в руки два года назад, так что, пожалуй, уже устарела. Вот, смотрите: «Ясеновые сады располагаются неподалеку от конечной железнодорожной станции. Наш поминальный заповедник — один из самых крупных дендрариев во всей стране. Как увидите ярко-красную дверь — считайте, вы на месте. Просто нажмите на кнопку звонка и...»

— «...и попросите позвать Фрэнка», — с улыбкой заканчивает чудовище и приветственно машет рукой. — Здравствуйте, Фрэнк — это я. И вы все правильно говорите, это действительно Ясеновые сады. Дендрарий начинается за домом, а в доме живу я. Мы с женой занимались им вместе до тех самых пор, пока она не умерла. — Он внимательно смотрит на меня. — А что подвигло вас на такой долгий путь под дождем? Вы привезли что-то для дендрария?

— Нет, — отвечаю я и машинально рывком прячу чемодан за спину.

— Прошу прощения, — говорит Фрэнк, помявшись, — я не хотел... м-м-м-м...

Сама не понимаю, какая муха меня укусила. Я ведь все решила еще в тот момент, когда купила билет на поезд. Я приехала сюда, чтобы выполнить обещание.

Но, понимаете, не так уж просто выдать хоть слово, когда у тебя пересыхает во рту, а грудь сдавливает знакомая

тяжесть. Так что я молчу, крепко сжимая ручку чемодана.

Фрэнк терпеливо дожидается продолжения, и неожиданно мне становится ужасно неловко, что я отнимаю у него столько времени.

– Прошу прощения, – я наконец-то беру себя в руки. – Видите ли, мне потребовалось немало сил, чтобы добраться. Честно говоря, я даже не сразу смогла заставить себя купить билет на поезд и приехать сюда, в пригород. Да, действительно, есть кое-что, что мне хотелось бы зарыть в этой земле, – кое-чей прах, если быть до конца откровенной... – я снова смущенно умолкаю.

Фрэнк кивает, милостиво избавляя меня от необходимости вдаваться в подробности. И улыбается, и его острые зубы – поначалу меня испугавшие – сейчас выглядят даже довольно привлекательно.

– Исполнять чужую волю об упокоении всегда нелегко, – тяжелая лапа Фрэнка ложится мне на плечо. – Я прекрасно вас понимаю, мисс Сэйка.

– И как мне быть дальше? – Я сглатываю подступивший к горлу комок.

Фрэнк меряет меня взглядом, то ли оценивая промокшую повязку на голове, то ли заметив золотой медальон, болтающийся возле ключицы. Я делаю вид, что закашлялась, и украдкой прячу медальон обратно под пальто.

Фрэнк вздыхает и пристраивает мой зонтик в корзинку у входной двери.

– Так как вам придется задержаться здесь на некоторое время, я могу показать вам Ясеновые сады, как только закончится церемониальная трапеза в соседнем зале.

– У вас прямо сейчас идет церемония? – округляю глаза я, мысленно ругая себя за безответственность. Занятая тем, чтобы собрать в кулак всю свою храбрость и просто доехать сюда, я даже не подумала уточнить, не заняты ли хозяева чем-нибудь. – Ох, простите меня, пожалуйста. Конечно же, у вас полно дел. Мне следовало позвонить перед приездом. – Я отступаю к двери. – Я могу зайти завтра. Как же это невежливо с моей стороны. Взяла и приперлась без спроса. Что ж я, совсем невоспитанная? Мать бы мне голову оторвала, если бы узнала, что я так ввалилась. Без предупреждения.

Я тянусь забрать зонтик, но огромная лапа мягко меня удерживает.

– Мисс Сэйка, – в гулком баре Фрэнка слышатся веселые нотки, – все в порядке. Церемониальная трапеза почти закончилась. К тому же дождь идет. И судя по всему, там зревает настоящий ураган.

Мы оба выглядываем сквозь полупрозрачное стекло двери. И при одной мысли, чтобы тащиться в такую погоду пешком до станции, у меня по спине идут мурашки.

Фрэнк тоже это понимает.

– Вы и так проделали немалый путь. И хотя я не сомневаюсь, что вы настроены решительно, полагаю, полеты в такой дождь – то еще удовольствие.

– Я не прилетела. Я пришла пешком, – поправляю я и, когда Фрэнк недоуменно округляет глаза, торопливо поясняю: – Я бы прилетела, но у меня нет метлы. Они просто чудовищно дорогие. И магии на них тратится немерено, – я усмехаюсь, но по маленьким желтым глазам Фрэнка видно, что ему вовсе не смешно.

– Ох, прошу меня извинить. Не сообразил. А пеший путь, должно быть, занял у вас целый день. Полагаю, вы устали.

– Все в порядке. Честное слово, я могу вернуться в другой день, когда у вас будет свободное окошко в расписании.

Я берусь за ручку двери, но Фрэнк непреклонен.

– У нас есть свободная комната, – он указывает на винтовую лестницу в конце холла. – На третьем этаже. Можете отдохнуть до завтра. Гроза наверняка будет бушевать всю ночь.

– Я даже подумать не могла, что...

– Прошу вас. Разве я могу отправить вас восвояси, когда для вас есть местечко?

Руки отчаянно ноют после того, как я все утро тащила этот чемодан. А ноги вообще вялые, как макароны, и гнутся даже от сквозняка.

А здесь обещают теплую, уютную кровать...

– Я непременно заплачу вам за ваше гостеприимство.

– Не говорите ерунды, – улыбка Фрэнка становится еще шире, – я отведу вас в вашу комнату, мисс Сэйка.

Я еле двигаюсь, и Фрэнк предлагает мне руку, терпеливо дожидаясь, пока я рискну ухватиться за нее. Я опираюсь – и

чувствую его силу, мягкость и тепло.

– Я только на одну ночь, даю слово. Значит, похороны мы сможем обсудить завтра?

– Церемонию посева. И да, конечно, завтра.

Он ведет меня к лестнице. В дальнем углу я замечаю широкие дубовые двери, достающие до самого потолка. Одна украшена силуэтом рогатого чудовища, а вторая – силуэтом женщины, и их губы встречаются аккуратно посередине.

Фрэнк замечает, что я засмотрелась на дверь.

– Это моя личная часть дома – там мы с женой вместе и жили.

– Судя по ее профилю, она была хорошенькой.

– В самом деле, – Фрэнк практически тащит меня волоком, но делает это так аккуратно и незаметно, будто я все еще иду сама. – Ясеновые сады не были бы такими, какие они есть, если бы не она.

– Ваши владения впечатляют. Удивительно, как вы справляетесь со всем этим в одиночку.

Фрэнк усмехается – в его груди будто рокочет гром.

– Да что вы, один бы я ни в жизнь не справился, – отвечает он, ведя меня вверх. – Я нанял помощников, и они тоже живут здесь. У нас тут небольшая команда, и я обязательно познакомлю вас со всеми.

– А где они сейчас? – я оглядываюсь по сторонам, наугад высматривая силуэты в темных углах.

– Прислуживают семье гостей на первом этаже. После це-

ремонии в дендрарии мы обычно приглашаем скорбящих и устраиваем домашний обед.

– Звучит здорово. – Я невольно задумываюсь о собственной семье. На похоронах из нас всех буду присутствовать только я. Может быть, Фрэнк все равно устроит обед и даже посидит со мной из сочувствия. Душераздирающее будет зрелище...

Мы поднимаемся еще на один пролет, и здесь Фрэнку приходится слегка пригнуться. Коротко оглядевшись по сторонам, я отмечаю, что и двери здесь не больно-то высокие, так что, пожалуй, и мне придется пригibasъся, если потребуется войти в одну из них. А вот на третьем этаже потолки снова становятся нормальными.

– Кажется, на предыдущем этаже потолки были пониже? – я останавливаюсь на площадке, чтобы перевести дух. А то я, кажется, вот-вот рухну.

– А, да. Наша ведьма-архитектор возводила второй этаж для наших маленьких друзей. Их здесь несколько – Иветта, фея света, эльф и пара близнецов-херувимов.

– С этими я уже пересеклась, – уныло тяну я. – Когда пошла к дому.

Фрэнк понимающе усмехается и кивает.

– Мерри и Мороуз¹. Уверяю, как только вы познакомитесь как следует, они вам понравятся.

¹ У херувимов не имена, а скорее прозвища: Merry – Веселый (англ.), Morose – Брюзга (англ.). Был еще третий брат: Mellow – Добродушный (англ.).

– Просто очень уж они болтливые. – Ноги потихоньку начинают отниматься от усталости. Если я простою на месте еще хоть секунду, то уже вообще никогда с него не сдвинусь. – Я готова взглянуть на комнату.

– Да, прошу, – Фрэнк ведет меня по коридору. – На этом этаже их всего две. В комнате напротив вашей обитает наша ведьма-дикарка.

– А сколько всего ведьм у вас работает?

– Две, – с гордостью откликается Фрэнк.

– То есть вам удалось заполучить и архитектора, и дикарку? Должно быть, здесь платят хорошее жалованье.

– Совсем напротив, оклад невелик. Зато я могу предложить крышу над головой тем, кому больше некуда идти. В обмен на небольшую помощь в уходе за имением, конечно же.

Мы как раз добираемся до середины недлинного коридора, когда правая дверь со щелчком открывается. Из комнаты аккуратно выходит спиной молодая женщина с длинной косой и закрывает за собой дверь. Я чую аромат спиртного и шепотом спрашиваю, оглянувшись на Фрэнка:

– Это та самая дикарка?

Тот выглядит озадаченным.

– Нет, это не она, – так же шепотом откликается он.

Женщина оглядывается и, увидев нас, вздрагивает и хватается за сердце.

– Ох! Господин Фрэнк! Очень рада снова вас видеть.

– Взаимно, – натянуто улыбается он. – Надеюсь, вчерашняя церемония стала для вас утешающей и исцеляющей.

– Да, безусловно. Уверена, что из праха моей бабушки вырастет великолепное дерево. Но вы, наверное, хотите узнать, почему я до сих пор здесь... – щеки женщины заливают румянец. – Мы задержались вчера допоздна, так что Оли любезно позволила мне остаться у нее...

Фрэнк прокашливается и кивает.

– Вам не нужно ничего мне объяснять. Оли и впрямь весьма гостеприимная особа.

Снаружи доносится гулкий раскат грома, и мы все машинально поднимаем глаза к потолку. Дом трещит и стонет.

– Еще раз спасибо за великолепную церемонию, – женщина неловко улыбается. – Что ж, мне пора идти.

– Простите, вы уверены? – Фрэнк моргает. – Все-таки гроза...

Женщина мотает головой.

– И не в такую погоду доводилось летать. Хорошего вам вечера. – Она уходит по коридору, кажется, на не очень твердых ногах.

– Вижу, вам нравится принимать гостей, – не уверена, что мои слова сильно сгладили неловкий момент.

Фрэнк приглашающе машет рукой:

– Что ж, полагаю, вы и так уже достаточно задержались. Вот наконец и ваша комната.

В спальне тепло и заманчиво уютно. Здесь сводчатый по-

толок, плотные длинные шторы, перетянутые шнуром, а окно выходит на задний двор. Я пытаюсь разглядеть его получше, понять, где все-таки начинается тот самый дендрарий, но сквозь густую завесу дождя ничего не видно.

По обе стороны от кровати возвышаются книжные шкафы, увенчанные горшками с висячими растениями. Я стаскиваю отсыревшее пальто и пристраиваю его на вешалку:

– Ох, Фрэнк, это просто божественное место.

Фрэнк остается в коридоре, лишь ставит мой чемодан через порог.

– Рад, что комната вам по вкусу. Ванная – дальше по коридору налево. К тому же я хотел бы пригласить вас к ужину в шесть часов. Иветта превосходно готовит курицу с картошкой.

Я поднимаю брови. Это же мое любимое блюдо.

Вообще-то я явилась сюда с одной-единственной целью, а вместо этого занимаю целую комнату с отличной кроватью, пользуюсь гостеприимством Фрэнка. Так что я все-таки останавливаю его прежде, чем он успевает уйти.

– Погодите, – я подхожу к вешалке и роюсь в промокших карманах. – Позвольте мне заплатить за сегодняшний постой. Иначе выходит многовато благотворительности, а это я еще не воспользовалась вашими услугами...

Фрэнк несколько мгновений разглядывает меня, а затем качает головой, и его грива рассыпается по плечам еще сильнее.

– Я не нуждаюсь в ваших деньгах, мисс Сэйка. Желаю вам хорошо отдохнуть. Увидимся позже. – Не дожидаясь моего ответа, Фрэнк уходит, закрыв за собой дверь. Я с трудом подавляю желание догнать его и все-таки всучить деньги.

Лампа на прикроватной тумбочке озаряет всю комнату теплым желтым светом, и я уже готова плюхнуться на круглую кровать – мягкие бархатные подушки буквально манят это сделать. Но не могу же я лечь в дорожной одежде, в мокрых, холодных носках, в платье, подол которого перепачкан грязью так, что мне становится страшновато за темно-синий узорчатый ковер, укрывающий деревянный пол.

Я принимаюсь разматывать промокший платок-повязку. Затем ослабляю шнуровку корсета, и легкие облегченно расправляются, прочие части тела наконец-то принимают естественную форму. Я стаскиваю сапоги, ожидая увидеть там припрятанную волшебную палочку, но той на месте не оказывается.

– Проклятие! Куда я ее сунула?

Я открываю чемодан, и туго набитые вещи выпрыгивают мне навстречу, как черт из табакерки. Надо было не халтурить и заколдовать их как следует. Перетряхнув пожитки, я обнаруживаю палочку в ворохе одежды, – а вместе с ней и фотографию в квадратной серебряной рамке.

Это наша с тобой фотография. На тебе – то пафосное красное платье, которое заставляла носить матушка, и ты, как будто в отместку, весь день хмурилась. Но когда пришло

время сделать снимок, мать попросила тебя улыбнуться и принять соответствующую позу.

Да уж, с позой ты тогда постаралась!

Это, пожалуй, моя любимая фотография – у тебя здесь глазки в кучку, зубов не видно, но улыбка такая широкая, что, кажется, лицо вот-вот треснет. А я стою рядом и хохочу, высунув язык. Мать тогда отчаянно ругала нас за то, что мы испортили снимок, но нам было плевать. В тот день ты меня знатно повеселила. Ты всегда старалась радовать меня, Фи.

Я ставлю фотографию на прикроватную тумбочку и, поцеловав подушечку указательного пальца, касаюсь им твоего лица.

А потом нахожу прозрачную банку, полную сверкающего праха, и аккуратно ставлю рядом с фотографией.

Я люблю тебя, Фиона. Прости, что мне понадобилось столько времени, чтобы отвезти тебя в Ясеновые сады. Но обещание есть обещание. Я сделала это. Я приехала сюда. А завтра я наконец-то предам твой прах земле. После стольких лет трусости я просто обязана это сделать. И это не единственное, что я тебе должна.

Глава вторая

Грохочет гром, и я вздрагиваю и просыпаюсь. Руки будто налились свинцом, ноги чувствуют себя немногим лучше. На то, чтобы хотя бы свесить их с кровати, уходит немало сил. Суставы почти не гнутся. И зачем я только тащилась всю дорогу пешком от этой станции...

В комнате царит темнота. За окном вспыхивают молнии, дождь отчаянно колотит в стекло. Лампа на прикроватном столике погасла. Я дергаю за шнурок, но она не включается. Видно, в доме выбило пробки.

Пошарив под матрасом, я нащупываю палочку, затерявшуюся в складках одеяла. Нужно наколдовать хоть какой-то свет. Помню, как ты впервые показала мне, как это делается, Фи. Хотя сейчас мне интересно, получится ли перевести эти слова в настоящее заклинание. Что ж, ничто не мешает попробовать. Я продумываю слова и взмахиваю палочкой:

Здесь не видно ни зги, и дороги мне нет.

Темнота-темнота, обратись-ка ты в свет!

Кулон на моей шее нагревается, а кончик палочки шипит. Затем выплевывает поток золотого света, на миг озарившего комнату, и снова гаснет.

– Вот же барахло дешевое! – я досадливо стучу палочкой по ладони, и свет вспыхивает снова.

Часы над дверью комнаты бьют шесть раз. Всего-то шесть вечера, а у меня ощущение, будто я проспала целую вечность. Видимо, и впрямь основательно утомилась. Снова завязав на голове платок, я выхожу в коридор.

Там оказывается так же темно, как и в комнате, только в самом конце горят несколько свечей. Шторы плотно задернуты, преграждая путь сквознякам. Кругом царит тишина, но стоит мне дойти до лестницы, как снизу доносятся отголоски разговора и звяканье столовых приборов. Запах еды зовет.

Я поднимаю повыше сияющую палочку. Первая же ступенька скрипит под ногами. Я смотрю вниз.

Не то чтобы я боялась темноты, Фи, но, честно говоря, там, внизу, и впрямь очень, очень темно.

– Ох, дорогуша, какая напрасная трата чар, – раздается откуда-то сверху вкрадчивый голос.

Я поднимаю глаза – с четвертого этажа спускается пожилая дама в роскошном черном платье с полупрозрачными рукавами. Серебристые волосы, уложенные лесенкой, ниспадают ниже плеч. В руке она держит свечу, позволяющую мне

разглядеть резкую челюсть и кошачьи глаза.

Я тут же прячу палочку за спину и отчаянно трясу, смахивая заклинание света. Затем тихонько убираю ее в сапог, и женщина усмехается.

– Нет никакой нужды прятать палочку. В том, чтобы ей пользоваться, нет ничего предосудительного. – Она такая высокая, что, подойдя ближе, нависает надо мной. – Мы все с чего-то начинали.

– Да, пожалуй, вы правы. Добрый вечер. Меня зовут Сэйка, – я протягиваю руку. Женщина пару секунд смотрит на мою шелковую перчатку, прежде чем ответить на рукопожатие.

– Я Хильда. Живу на четвертом этаже.

Кажется, ей не очень удобно волочить шлейф платья по ступеням, так что я помогаю ей, и Хильда улыбается:

– Что ж, Сэйка, похоже, буря выбила пробки по всему дому. Не проводишь старушку вниз? А то я уже не так резва, как прежде.

– Конечно. Судя по звукам, там что-то уже происходит.

– Должно быть, накрывают стол к ужину. Идем. Заодно по дороге расскажешь мне о себе.

Представиться, значит? Что ж, это я, пожалуй, умею, Фи. Довелось основательно попрактиковаться.

– Да, как пожелаете. Я приехала в Ясеновые сады, потому что у меня завтра похороны.

Хильда вопросительно поднимает тонкую бровь.

– То есть, в смысле, не у меня. У моей сестры. Она попросила меня закопать ее прах здесь, а я очень долго откладывала это все. Ну, вот теперь я приехала. А Фрэнк оказался достаточно любезен, чтобы позволить мне остаться на ночь, так как на улице гроза.

– Лапушка, такими темпами ты останешься здесь на неделю – в Ясеновых садах грозы практически все время. – Мы спускаемся по лестнице вместе, и свеча в руках Хильды освещает ступени. – Фрэнк мне рассказал кое-что о тебе.

Что он мог рассказать-то? Мы же, считай, пять минут как знакомы.

– Надеюсь, только хорошее?

– Конечно. Главный сплетник в этом доме не он – это моя должность, – Хильда смеется.

Я неловко улыбаюсь и запикиваю палочку поглубже в сапог. Хильда заинтересованно на меня косится, и я тут же начинаю паниковать.

– Палочка помогает мне фокусировать заклинание, – поясняю я.

– Я знаю, зачем нужны палочки, – она добродушно похлопывает меня по руке.

Лестница наконец-то заканчивается, и мы оказываемся в сумрачном холле. Возле входной двери горят свечи. В воздухе порхают сияющие сферы, белые и желтые. Здесь разговор слышится четче – голоса доносятся из соседнего помещения.

Сейчас, когда свет стал ярче, я замечаю, что глаза Хильды – абсолютно белые, лишённые какого-либо цвета. Я стараюсь не тарашиться, когда она оглядывается на меня.

– Тебе как будто неловко пользоваться нашими услугами. – Я открываю рот, чтобы возразить, но Хильда не даёт мне вставить и слова: – Фрэнк занимается этим уже очень давно. Твой близкий человек будет в надёжных руках.

– Я в этом не сомневаюсь. Просто сама концепция кажется мне несколько странной. Никогда не слышала, чтобы из праха, зарытого в землю, выращивали дерево. Весьма оригинально.

– Мы рождаемся из земли и в землю же уходим после смерти, – Хильда пожимает плечами, – так что ничего оригинального в этом нет, лапушка.

Но мне все равно кажется, что закапывание пепла – мрачноватый способ отметить конец чьей-либо жизни. Но раз уж ты так захотела, Фи...

Голоса в столовой звучат все громче, вынуждая нас отвлечься от беседы. Хильда прислушивается.

– Они начали ужин без нас! Вот ублюдки!

Ого, думаю я, ничего себе!

Хильда тянет меня вперед – и хватка у нее неожиданно крепкая для дамы ее возраста. Мы пересекаем холл, заходим в столовую, и в нос мне ударяет пряный запах курицы с розмарином. К нему примешивается душок жареного лука, нотки сладкого перца и едва уловимый аромат свежесы-

печенного хлеба.

Блюда стоят на огромном дубовом столе, темноту разгоняют бронзовые подсвечники. Довершает картину кружевная скатерть, а под потолком и здесь порхают, пульсируя, белые и желтые сферы света. И еще здесь висят картины, повторяющие мотив росписи, украшающей потолок холла: романтические изображения небес с яркими звездами и густыми облаками.

Во главе стола устроился Фрэнк. Его стул – самый огромный из всех. Заметив нас, хозяин широко улыбается:

– Спасибо, что помогла Хильде спуститься, Сэйка.

Негромкий разговор обрывается, и на меня тут же устремляются любопытные взгляды двух херувимов и феи. Они рассматривают мое лицо, оценивают общий вид и отмечают, как Хильда до сих пор держится за мою руку.

– Мне не требуется помощь, чтобы спуститься по лестнице, – огрызается Хильда, пока я помогаю ей устроиться за столом. Шлейф ее платья сворачивается возле ножек стула. – Я и сама в состоянии прекрасно перемещаться по дому.

– Все было бы куда проще, если бы я установил лифт между этажами, Хильда, – не отступает Фрэнк. – Если бы ты только позволила мне...

Все присутствующие отчего-то тут же убирают стаканы с вином подальше от зажженных свечей – те с тихим шипением вспыхивают ярче. По углам столовой скачут длинные густые тени.

Огоньки почти сразу же возвращаются в норму, но бедолага Фрэнк все-таки не успел убрать свой стакан подальше, так что вино тут же вскипает, и над ним поднимается пар. Я нервно присаживаюсь на свободное место рядом с ним.

– Когда ж ты уже сообразишь, а? Старая карга не хочет, чтобы с ней обращались как с каргой, – заявляет один из херувимов.

Оба брата сидят бок о бок. Синхронно едят. Синхронно пьют. Даже рты вытирают синхронно.

– Не надо таких слов в адрес леди, – темноволосый херувим хмурится. Сейчас, рассмотрев его поближе, я замечаю на его щеках яркие веснушки. И на голых плечах и на груди тоже. – Хильда, извини его, пожалуйста.

– Не нужно извиняться, – усмехается та и пристраивает на колени тканевую салфетку. – Он просто не в духе, а? Он у нас вообще сердитый малыш, – она наливает себе вина.

Сердитый херувим раздраженно морщится.

– Эй, слышь, ты...

– Прошу простить, если я обидел тебя, Хильда, – примирительно улыбается Фрэнк. – А теперь позвольте представить вам всем Сэйку, – он указывает лапой на меня, как будто кто-то из тех, кто собрался за столом, еще не начал следить за каждым моим движением. – Она приехала сегодня днем, но из-за грозы была вынуждена остаться на ночь.

– Всем здравствуйте, – я тепло улыбаюсь. Все признательно кивают в ответ и возвращаются к еде. Я отчаянно жалею,

что не осталась в темной комнате до самого рассвета. Потому что поддерживать вежливую беседу, пытаясь одновременно как можно меньше рассказывать о себе, – та еще задачка. Если бы я только могла поесть одна. Или с тобой, Фи. Но я уже зашла по этому пути слишком далеко, а тебя и вовсе больше никогда не будет рядом.

– Я – Мерри, – улыбается конопатый херувим, извинявшийся перед Хильдой. – А этот грубый малый – Мороуз, мой братец.

Мороуз снова хмурится и откладывает вилку:

– Это почему это я – грубый малый? А может, это ты у нас избыточно беззаботный малый? Или вообще раздражающий малый?

– А меня зовут Иветта, – подает голос фея, сидящая рядом с Мороузом, не давая разгореться очередной ссоре. Иветта одета в вязаное фиолетовое платье с высоким горлом, а ее короткие кудри убраны назад двумя одинаковыми фиолетовыми заколочками. И если все остальные сидят непосредственно за самым столом, то у феи – свой отдельный маленький столик, пристроенный поверх дубового, и стульчик такой же маленький, а крохотные порции лежат на крохотных тарелочках. – Очень рада наконец-то с тобой познакомиться, Сэйка.

Голос у Иветты мягкий, но громкий. И когда она говорит, ее личико светится.

– Взаимно рада знакомству, Иветта.

– А рядом с тобой сидит Фил, – продолжает она. Прежде чем я успеваю переспросить, о ком речь, вилка на соседней тарелке взмывает в воздух и втыкается в куриное бедрышко. Я концентрируюсь – и в дрожащем свете огоньков получается разглядеть полупрозрачные очертания руки.

Никогда раньше не встречалась с призраками. На то, чтобы привязать чью-то душу к нашему миру, требуется невероятное количество магической силы.

– Очень приятно, Фил, – я смотрю на пустое место и улыбаюсь. Хильда доликает себе еще вина. – Приятно со всеми вами познакомиться. Мне очень неловко, что я набилась к вам на ужин сегодня. Обещаю, завтра же уеду, и как можно раньше.

– Так быстро? – удивляется Иветта. – Ты еще даже с Оли не познакомилась. Может, мне сходить за ней?

– Она скоро придет, – подает голос Фрэнк. – Я сказал ей, что ужин уже готов, но она упорно хочет поработать в грозу. – Он виновато оглядывается на меня. – Здесь все – отпеченные трудоголики, а Оли, наша ведьма-дикарка, очень серьезно относится к своим обязанностям. И Игнаций тоже. Игнаций – это эльф, который... Ох, небо, Игнаций! – Фрэнк растерянно смотрит в пространство, а затем вскакивает с места, хватая пустую тарелку и принимается нагружать ее едой.

Остальные совершенно не разделяют волнения хозяина. Разве что Хильда подкладывает на тарелку еще еды:

– Клади-клади, наш эльф обожает картошку.

В следующую же секунду Фрэнк торопливо покидает столовую, и пол от его тяжелых шагов слегка вздрагивает.

– Мне кажется или Фрэнк и впрямь все чаще забывает про Игнация? – спрашивает Мерри, жуя початок кукурузы.

– Не тебе одному так кажется. – Хильда откидывается на спинку стула, зажигает трубку и глубоко затягивается. А потом выпускает дым в сторону, шевелит пальцем – и сероватое облачко тут же рассеивается. – В последнее время у него... слишком много хлопот, пожалуй?

– А по-моему, он просто стареет, – вворачивает Мороуз.

– Вовсе нет! – Иветта скрещивает руки на груди. – Для чудовища его возраста он вполне бодр. Ну, на мой взгляд. Не обращай на них внимания, – оглядывается она на меня. – Игнаций – тот еще затворник и никогда не покидает свою комнату. Так что Фрэнк периодически забывает отнести ему еды.

– А я и не знала, что можно было поесть у себя в комнате, – шепчу я себе под нос. Я вообще-то не собиралась проносить эти слова вслух, но, судя по повисшей тишине, их все равно прекрасно расслышали. И теперь смотрят на меня очень выразительно.

– Я просто очень устала. Весь день провела в дороге, – я улыбаюсь, и все возвращаются к еде.

– Сэйка, – окликает Иветта, – Ясеновые сады – это действительно прекрасное место. И чей бы прах ты ни собиралась посадить, он будет в надежных руках.

Я отрезаю кусочек сочной курицы, тушенной с луком, и отправляю его в рот. Пища богов, Фи.

— Курица просто восхитительная, — я стараюсь сменить тему, надеясь загладить свою оплошность.

— Рада, что она тебе по вкусу, — личико Иветты вспыхивает ярче, и она принимается за картошку.

А я чувствую себя какой-то неотесанной грубиянкой, вломившейся в приличное общество. Очень хочется извиниться — правда, я сама не понимаю, за что именно.

К счастью, в этот момент раздается скрип входной двери. Сквозняк долетает аж до столовой, заставляет плясать огоньки свечей.

Иветта широко улыбается и взлетает с места, трепеща крохотными крылышками. Она накладывает в еще одну тарелку внушительную порцию еды, и я борюсь с искушением ей помочь. Половник и сервировочные вилки слишком велики для ее рук. Но Иветта ловко наполняет тарелку курицей и картошкой, не испытывая ни малейших затруднений.

— Да здравствует целительная сила природы! — разносится по дому громкий голос, а затем на пороге столовой появляется и его хозяйка — одетая в черное, вымокшая до нитки. Вода стекает с нее ручьем и собирается в лужу под ногами. — Ах, как вкусно пахнет, Ив! Спасибо!

Во рту у нее сверкают по-волчьи длинные зубы, ослепительно-белые, а кожа темная, и в тусклом свете мне поначалу кажется, что она коричневая — но стоит женщине подойти

поближе к столу (оставляя за собой мокрый след, ага), и становится видно, что она на самом деле фиолетовая. И зубы у нее не просто длинные, как у волка. Это самые натуральные клыки.

– Ты куда намылилась в таком виде? – Хильда упреждающе поднимает руку. – Обсушись сначала.

Женщина вздыхает и водит рукой над головой, и над ее ладонью собирается крохотный смерч. Она прогоняет его вдоль всего тела, и одежда мгновенно высыхает. Мокрые кудряшки тут же распушаются облаком вокруг головы и плеч.

– На это всегда столько времени уходит! – ноет женщина.

– Меня это не волнует, – отрезает Хильда.

Незнакомка приподнимает кучерявую гриву, чтобы высушить волосы и спину, и я вижу острые уши.

– По-моему, тебе просто хочется посмотреть, как я тут и там себя трогаю, а, Хиль? – смеется она.

– Оли, перестань. Тут люди вообще-то кушают, – Хильда снова глубоко затягивается.

Наконец-то обсохнув, Оли устраивается в конце стола. Ее вид меня обескураживает, Фи, – все эти длинные клыки, фиолетовая кожа, острые уши... Она использует магию, но не произносит заклинаний и не пользуется каким-то особыми зельями. То есть она ведьма. И это явственно видно. Ведьма-дикарка, как и говорил Фрэнк. Но почему она так странно выглядит?

Взгляд Оли цепляется за меня буквально за секунду до того, как Иветта успевает поставить перед ней тарелку.

– Спасибо, Ив. – Ведьма снова переводит взгляд на меня и насмешливо хмыкает, принимаясь за курицу: – А ты у нас чьих будешь?

– Меня зовут Сэйка, – голос почему-то хрипнет. – Рада позна...

– Сочувствую. С таким серьезным имечком особо не разбежишься, – со смешком говорит она. – Ты из города, что ли? – Она замечает мои шелковые перчатки и улыбается шире, сверкая клыками. – Типа вся из себя цаца?

Я мрачнею.

– А вас как зовут?

Та отхлебывает вина и салютует мне стаканом:

– Оливия, но друзья обычно зовут меня Оли.

– Оли, может быть, ты прекратишь уже? – устало интересуется Хильда. – Когда восстановится электричество? Или мы так и будем сидеть в темноте всю ночь?

– Ну, с генератором я сделала все, что могла. Даже попыталась напитать его электричеством от грозы хоть немножко, но, кажется, моей силы тут недостаточно. Попробую еще разок оживить его утром. А до тех пор будем трапезничать как достойные предки – в романтическом свете канделябров, – она поднимает стакан, и Иветта с готовностью чокается с ним собственным стаканчиком.

– Черти бы побрали эти грозы, – Хильда выпускает облач-

ко дыма.

– Короче, – Оли поворачивается ко мне. – Что привело тебя в Ясеновые сады?

Интересно, сочтут ли меня остальные странненькой, если я сейчас схвачу тарелку и со всех ног убегу к себе в комнату, чтобы доесть ужин в полной темноте?

– Мне попала в руки листовка, – я тяжело сглатываю. – И мне нужно захоронить кое-чей прах.

– Не захоронить, а высадить, – уточняет Иветта. – Как семена. Чтобы из них выросло что-нибудь прекрасное.

Очень красивая формулировка, но она заставляет меня вспомнить, как ты лежала на смертном одре, и я неловко комкаю листовку. «Доставь меня туда, Сэй, – попросила ты тогда, – не хочу быть развеянной по ветру и забытой навеки. Я хочу, чтобы меня посадили. И из меня выросло что-нибудь прекрасное».

Твой голос всплывает в памяти, и сердце болезненно сжимается. Я отхлебываю вина, чтобы хоть немного разжать его. За столом становится как-то до неуютного тихо. Твой дух будто встает у меня за спиной, касается призрачной рукой, и я чувствую себя по-дурацки. Надо же было угодить в такую неловкую ситуацию. Это я приехала в Ясеновые сады. Это я наконец-то стала предпринимать какие-то действия для того, чтобы ты все-таки могла упокоиться с миром. И мне следовало быть готовой к тому, что в процессе придется рассказывать о тебе.

Пол опять слегка содрогается – Фрэнк возвращается в столовую.

– Этот эльф с каждым днем ведет себя все более странно, – заявляет он и, заметив Оли, улыбается: – С возвращением! Вы уже познакомились с Сэйкой?

Голос Фрэнка звучит как всегда гулко, но меня настолько переполняют эмоции, что я едва его слышу. Потому что на полном серьезе задумываюсь, не плюнуть ли на этот милый ужин, не схватить ли чемодан и не убраться ли отсюда ближайшим поездом, и черт бы с ней, с грозой...

Мне-то казалось, что я уже способна говорить о тебе, Фи, хотя бы упомянуть вскользь. Но сейчас даже вежливая улыбка отнимает у меня все душевные силы.

– Познакомились, – откликается Оли и тут же, слава всем звездам, меняет тему: – Кстати, Фрэнк, нам нужен новый генератор. Старый, похоже, решил окончательно нас покинуть.

– А Хильда не может сотворить новый? – интересуется Мерри. – Это же конструкция, так?

– Я – архитектор, – Хильда отхлебывает вина. К еде она почти не притронулась – похоже, вся ее диета состоит из выпивки и дыма. – Дизайнер. Я не могу просто взять и сделать генератор. Я же не кустарь какой-нибудь.

– Все в порядке, – Фрэнк поднимает лапу. – Я наскребу денег на новый. Получится ли до тех пор выжать из старого еще хоть что-нибудь?

– Ну, я попробую еще разок, – Оли пожимает плечами. –

Но если налетит еще одна настолько мощная буря, то эта чертова железка точно не выживет.

– Пожалуйста, сделай, что сможешь.

Ужин продолжается, и я обнаруживаю, что он перестал казаться мне таким мучительным. Все едят и непринужденно болтают. Фрэнк обсуждает насущные задачи, которые необходимо выполнить. И только я сижу молча, изо всех сил стараясь не мешать застолью.

После еды все помогают убрать со стола, и я тянусь, чтобы собрать грязные тарелки, но натруженные ноги протестующе ноют. Фрэнк замечает, как неловко я двигаюсь, и подходит ближе.

– Мисс Сэйка, прошу вас, вовсе не обязательно это делать. Почему бы вам не отправиться наверх и не отдохнуть?

– Вы впустили меня в дом и накормили. И раз уж вы не хотите взять с меня денег, позвольте хотя бы помочь, – я отгоняю усталость прочь и собираю тарелки в стопку, но мою руку тут же накрывает могучая лапа.

– Посидите со мной минуточку? – спрашивает Фрэнк, и я отправляюсь следом за ним из столовой в гостиную. Над разожженным камином висит портрет молодой ведьмы с кудрявыми рыжими волосами, такими длинными, что они достают до пола. Их цвет отлично сочетается с шерстью Фрэнка – он изображен на портрете вместе с ней, ласково обнимающим и поглаживающим ее по лицу.

– Это Кайя, моя жена, – настоящий Фрэнк подходит к ка-

минной полке, и по его рыжей шкуре начинают плясать оранжевые блики. – Она тоже захоронена в дендрарии.

– Я была права, – я встаю рядом и люблю портретом. – Она невероятная красавица.

На Кайе шелковое зеленое платье с кружевным воротником, прикрывающим шею. Фрэнк на портрете смотрит на нее пристально, и в его глазах – море любви. А сама Кайя смотрит на художника, и ее широко расставленные глаза, полные надежды, манят подойти ближе.

Фрэнк, стоящий со мной рядом, кивает.

– Она и впрямь была необычайно хороша. Признаться, когда мы только основали Ясеновые сады, я не был уверен, что из этой затеи что-то выйдет. Кайя была ведьмой-дикаркой, и это ей пришло в голову брать прах умерших и выращивать из него деревья. И когда ее не стало, мы со всей тщательностью собрали ее исследования и пригласили на работу чародеев, чтобы продолжить ее труд. Я с удовольствием покажу вам завтра наш дендрарий.

Я устраиваюсь в кресле и аккуратно растираю ноющие ноги.

– Я ничего не знала о Ясеновых садах, пока моя сестра не рассказала. Она... она хотела, чтобы они стали ее последним пристанищем.

– Ясно, – Фрэнк присаживается в кресло напротив. – Не хотите ли рассказать мне о ней побольше?

Жар камина согревает щеку. Сиденье кресла мягкое. Я

чувствую себя абсолютно сытой после такого обильного ужина, а рев бури за стенами дома теперь кажется убаюкивающим фоновым шумом. И если час назад мне было больно вспоминать о тебе, то сейчас, напротив, этот вопрос кажется не вторжением в душу, а мягким приглашением ее раскрыть. И я осторожно шагаю в тот мир, где ты когда-то существовала, – и да, я все еще помню, что теперь тебя с нами больше нет, ты ушла навеки, но, ради всего святого, как же хорошо здесь было, пока ты была жива! Ведь ты же существовала. И воспоминания о тебе живы до сих пор. И вот ими я и решаюсь поделиться с Фрэнком.

– Фиона была очень шумной, – на моем лице сама собой возникает улыбка, – и мнений в ее понимании существовало только два: ее и неправильное. И от этого у нас в юности возникала неимоверная куча проблем. Как и многих других городских девчонок, ее манили приключения. И когда она вошла в возраст, то отправилась за море искать свое предназначение.

– Впечатляет. А вы последовали ее примеру?

– Ну, я попыталась. И повторила несколько ее путешествий в попытке сохранить ее дух. Но этот самый дух оказался слишком сильным. Мореплавание – занятие не для слабонервных, а я как раз из слабонервных.

Фрэнк мягко посмеивается, а я вздыхаю, перетряхивая в голове остальные воспоминания.

– Единственное, что нас объединяло, – любовь к музыке

и историям.

– И вы до сих пор их любите?

– До сих пор? – я моргаю. Как-то даже и не задумывалась об этом. Музыка и литература всегда были нашей общей любовью. Занимали много места в наших душах, Фи. Искусство было нитью, которая связывала нас так, как ничто иное в реальности.

А потом тебя не стало, и мне показалось, что эта нить оборвалась.

– Честно говоря, я уже сто лет не играла...

– А на чем вы играете?

– Я – ведьма музыки. Я могу заставить петь что угодно, но мой любимый инструмент – фортепиано.

– Какое удачное совпадение, – Фрэнк встает с кресла и отходит к окну: там обнаруживается пианино, прикрытое стеганым чехлом от пыли. И как я его сразу не заметила? – Я бы с удовольствием послушал, как вы играете, – если, конечно, вы в настроении.

Фрэнк стаскивает чехол – пианино под ним черное и блестящее. Как ты знаешь, Фи, меня обычно не надо долго уговаривать на чем-нибудь сыграть, но сейчас я, честно говоря, колеблюсь. И подхожу к инструменту медленно, бездумно теребя кулон на шее. Палочка – на привычном посту, в сапоге, но вытаскивать ее не хочется.

Я усаживаюсь, и Фрэнк отходит, чтобы не висеть над душой. Он опирается на каминную полку, коротко оглядыва-

ясь на портрет жены. А я поднимаю крышку – шелк перчаток скользит по белым клавишам.

Нажимаю на клавиши – и музыка тут же меня уносит. Сначала мажорный аккорд, за ним еще один, и еще, а потом я и вовсе закрываю глаза, полагаясь только на пальцы. И даже начинаю мурлыкать себе под нос, играя знакомый мотив.

Одна из любимых папашиных песен, хорошо тебе знакомая. Помнишь, я пела ее тебе тогда, два года назад?

Мелодия окутывает меня, как одеяло, целует в лоб, уносит в прошлое, в нашу общую детскую. Ты играешь на пианино и поешь, а отец кружит меня в танце, и пламя камина пляшет вместе с нами. Огненные языки изгибаются, взмывают и приседают в такт музыке, и я повторяю их движения. Жар облизывает мое лицо.

А потом ты присоединяешься ко мне, и мы кружимся вместе, живые, объятые пламенем.

Я резко распахиваю глаза – черное пианино стоит передо мной молча, все звуки затихли. Руки трясутся, а по щекам текут слезы.

Я утираю их и оглядываюсь на Фрэнка – тот так и стоит молчаливым изваянием возле камина. Его пасть бездумно приоткрыта, а в желтых глазах тоже блестят слезы.

– Вы ведь не использовали сейчас никакую магию, правда? Я не заметил, чтобы вы зачаровывали пианино. Это было ваше собственное исполнение.

– Полагаю, за все те разы, когда мне приходилось зачаро-

вызвать инструменты, я и сама кое-чему выучилась, – улыбаюсь я.

Фрэнк склоняет голову набок и пару мгновений молчит, что-то обдумывая.

– Какой же у вас невероятный дар, однако. Для меня будет огромной честью высадить прах вашей сестры и превратить ее смерть во что-нибудь прекрасное.

Глаза снова начинает щипать, а в памяти вновь всплывают твои слова: «Я хочу стать чем-нибудь прекрасным».

– Именно этого Фиона и хочет.

Фрэнк поудобнее опирается на каминную полку, поддерживая кардиган.

– Судя по всему, вы были с ней очень близки. Я так понимаю, друг у друга были только вы?

Я так понимаю, он имеет в виду – будет ли кто-то еще завтра на твоих похоронах?

– Мы всегда были друг у друга, да, – прокашливаюсь я. – А потом Фиона вышла замуж, и у нее родилась пара близняшек, так что некоторое время нас было пятеро. А потом она умерла, и наши родители устроили грандиозную церемонию прощания, и, судя по слухам, это было одно из самых крупных собраний в истории города.

– По слухам? – Фрэнк недоуменно поднимает лохматые брови. – А вас на этой церемонии не было?

– Ну... – я моргаю, проводя пальцем в перчатке вдоль крышки и аккуратно закрываю ее. – ...Я не пришла вовсе не

потому, что не хотела.

Я не пришла, потому что мне запретили там появляться.

Фрэнк кивает, и на некоторое время в гостиной повисает тишина. Затем он вздыхает.

– Ясно. Что ж, уже довольно поздно. Пожалуй, нам обоим не помешает как следует отдохнуть. Завтрашнее утро обещает быть хлопотным.

Я встаю – ноги слушаются плоховато, и Фрэнк провожает меня из гостиной до коридора. Здесь мы расстаемся – я отправляюсь вверх по лестнице, а он разворачивается, чтобы уйти в свое крыло.

– Спасибо за ужин. И за то, что попросили меня рассказать о Фионе. Я уже давно не разговаривала о ней.

– К вашим услугам, мисс Сэйка. Доброй ночи.

Путь до комнаты выходит коротким, но утомительным. Над лестницей и в коридорах порхают очередные шары света. А когда я открываю дверь в отведенную мне комнату, на прикроватном столике обнаруживается зажженная свеча, озаряющая баночку с твоим мерцающим прахом и фотографию в рамочке. Открытый чемодан с вываливающимися вещами так и лежит на полу, но у меня уже нет сил им заниматься.

А еще на тумбочке дожидается зеленая глиняная кружка с какой-то темной жидкостью. На ободке написано «Хильда». А поверх кружки – записка: «Колдовской чай, исцеляющий утомление. Живо приведет в чувство. Хильда».

Я устраиваюсь в кровати и отхлебываю горячего чаю, позволяя заваренным чарам напитать мое тело. Завтра мне понадобятся все имеющиеся силы. Потому что после всех прошедших лет, Фи, я наконец-то смогу захоронить твой прах.

Откуда-то из коридора доносится негромкое пение скрипки. Совсем тихое, но различимое. В любой другой день я бы попросила неизвестного музыканта не шуметь так поздно, но по мере того, как чайные чары начинают действовать, мне все больше хочется спать, так что музыка не раздражает – напротив, ласково убаюкивает, и вскоре я проваливаюсь в глубокий спокойный сон.

Глава третья

29 апреля

Я сижу посреди поля, ем апельсин и смотрю в закатное небо, где в гармоничном танце сплетаются розовые и фиолетовые переливы. Сквозь завесу полупрозрачных облаков и яркого света неожиданно пролетает целая россыпь падающих звезд. Я сую оставшиеся дольки в рот, чтобы освободить руки, и, поворачивая запястьем, протягиваю пальцы к небу.

Звезды несутся дальше, но одна все-таки запинается на бегу. Я изо всех сил тяну руку, и звезда подчиняется моему зову. Она сопротивляется, рвется вдогонку за своими убежавшими товарищами. Но затем ее сопротивление резко прекращается – как будто лопнула та нить, что связывала ее с остальными, – и звезда несется к земле.

– Получилось! – ору я и, вскочив на ноги, бросаюсь за ней следом. – Фиона! Фиона, у меня получилось!

Звезда с размаху падает в поле, взметая во все стороны траву. Ветер бросает в лицо пыль, и я закашливаюсь.

Мне казалось, что ты рядом, Фи. Ну или, по крайней ме-

ре, была рядом в какой-то момент. Но, обернувшись, я понимаю, что тебя нет.

— Фиона? — зову я, но ты не откликаешься. — Ладно, я сейчас достану ее тебе.

Подобрав подол платья, я бегу туда, куда упала звезда — та поблескивает на дне воронки, оставшейся посреди поля, в темное небо поднимается дымок. Я задерживаю дыхание, уже предвкушая едкий запах паров, исходящих от звезд, но, вдохнув, отчего-то не закашливаюсь.

Да и вообще, сказать по правде, чем ближе я подхожу, чем явственнее понимаю, что пахнет не звездой, а костром. Или чем-то похожим на раскаленные угли.

Я заглядываю на дно глубокой воронки, но вместо звезды нахожу лишь торчащую из земли остроугольную каменную плиту. На ней вырезаны какие-то слова, но мне не нужно подходить ближе, чтобы разобрать их. Я и отсюда вижу на плите твое имя...

Колени подгибаются, и я оседаю на землю.

— Я безнадежно опоздала. Прости, мне так жаль... — грудь болезненно сдавливает, но слезы не приходят. Взглянув на руки, я обнаруживаю, что перчатки пропали и, что еще более странно, ладони сияют, как два маленьких солнца. Они пылают, раскаляясь все сильнее, но от этой боли я лишь изумленно замираю.

А затем в уши льется твой голос: «Сэйка, что ты натворила?»

Я оглядываюсь, но тебя нигде нет. Мне хочется извиниться перед тобой, попросить, чтобы ты не сердилась на меня...

Но мой рот как будто наглухо запечатан, и я так и стою как истукан, удивленно глядя, как на моих ладонях рождается упавшая звезда.

В этот момент я просыпаюсь, и свет перед глазами сменяется сводчатым потолком спальни. Деревянные балки тянутся до самых окон – высоких, вымытых ливнем.

Я закрываю глаза, погружаясь в воспоминания, давшие пищу моему сну, и касаюсь пальцами кулона на шее.

Мы с тобой нашли эту упавшую звезду еще в раннем детстве. И, если я правильно помню, обе чуть не потеряли сознание от ее ядовитых паров, а ты едва не сожгла себе руку начисто, пытаясь подобрать ее.

Тот день изменил нашу с тобой жизнь навеки, Фи. У нас появился особый секрет, только наш с тобой. Наслушавшись историй о том, сколь велика мощь упавших звезд, мы не собирались впустую тратить шанс, выпадающий раз в жизни. Так что мы припрятали ее. Но время шло, и ничто в нашей жизни не требовало применения столь огромной силы. Нас с тобой и так все устраивало.

Конечно, мы могли бы пожелать родителей получше. Таких, что любили бы нас больше. И не заставляли бы вести жизнь, продуманную для нас и за нас во всех подробностях. И не выгнали бы собственного ребенка за один промах... но звезда – всего лишь источник силы. Она не способна на чу-

деса сама по себе.

Я так и лежу с закрытыми глазами, отрешенно теребя кулон. Металлическая цепочка скользит между пальцев. Я возлагала на эту звезду слишком много надежд. Как будто она могла обратить время вспять, вернуть потерянную жизнь. И из-за того, что ее сила казалась мне почти божественной, я не ожидала, что ее использование может иметь какие-то последствия. Мне отчего-то думалось, что звезды, падающие с неба, способны решить все наши проблемы просто так.

И где я только нахватаюсь таких мыслей, Фи?

В этот момент уши щекочет странное жужжание, и я открываю глаза – и тут же вздрагиваю, увидев сияющий шар. И даже на секундочку задумываюсь, не сошла ли с ума. Или это звезда из моего сна каким-то образом просочилась в реальность?

– Извини, не хотела тебя напугать, – говорит шар знакомым голосом. Я его уже слышала – вчера вечером.

Я не сразу соображаю, где нахожусь и что происходит. Оглянувшись, обнаруживаю себя на круглой кровати, на полу – синий узорчатый ковер, а на прикроватном столике – твоя фотография и прах в баночке. А надо мной в воздухе висит фея света.

Да. Точно. Вот теперь я все вспомнила.

– Все в порядке, – бурчу я и сажусь. И, потянувшись поправить повязку на голове, с облегчением обнаруживаю, что за ночь она никуда не сползла. – Тебя ведь Иветтой зовут,

верно?

Как она вообще сюда попала? Пожалуй, стоит зачаровать дверь от фей света, норовящих заглянуть ко мне без спроса.

Иветта кивает.

– Прошу прощения, мисс Сэйка. Я подумала, что стоит тебя навестить. А то уже полдень, и Фрэнк начал беспокоиться.

– Полдень? – я оглядываюсь на часы, висящие над дверью. Уже половина первого. Я сонно тру глаза. – Ох, похороны!.. Я все проспала...

– Ничего страшного, – улыбается Иветта, отлетает в сторону – и я обнаруживаю, что она явилась не одна. Возле порога в воздухе покачивается поднос с чаем и тостом. Полупрозрачный силуэт Филя поблескивает в проеме, и я различаю на нем шляпу-котелок.

– Я принесла тебе поесть, так как ты пропустила завтрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.